Элла Раун

ГИНЕКОЛОГИ.

Особый курс лечения

18+

Элла Раун

Гинекологи. Особый курс лечения

«Автор»
2026

Раун Э.

Гинекологи. Особый курс лечения / Э. Раун — «Автор», 2026

Света потеряла всё: здоровье, надежду, веру в будущее. Борис и Марк — врачи, чей метод лечения требует полного доверия и безоговорочного подчинения. Каждый день они стирают границы между медициной и чем-то большим. Но когда курс заканчивается, Света понимает: она не хочет уходить. Она хочет остаться с ними навсегда.

© Раун Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Элла Раун
Гинекологи. Особый курс лечения

Глава 1

Кабинет находился в конце длинного, стерильно-белого коридора. Сорок семь шагов от лифта до двери с табличкой «Центр эндокринной гинекологии, Борис Толин, Марк Ветров». Света шла медленно, превозмогая тупую, ноющую боль внизу живота — неизменную спутницу последних полугода. В тридцать лет тело отказывалось слушаться, а два месяца, проведенные в очередях районных поликлиник, оставили в медицинской карте лишь стопку бесполезных рецептов.

Секретарша с лицом, лишенным каких-либо эмоций, взяла карту, бегло пролистала выписки и, не поднимая глаз, кивнула на массивную дверь:

— Заходите. Вас ждут.

Кабинет оказался огромным, разделенным невидимой границей на две рабочие зоны. В воздухе смешались запахи дорогого дерева и чего-то химически чистого, почти агрессивного. За двумя разными столами сидели двое мужчин.

Тот, что слева — Борис — смотрел поверх очков для чтения. Крупный, с мощной шеей и тяжелой челюстью. Его взгляд ощущался физически — как давление на грудину. Второй — Марк — сидел с идеально прямой спиной, откинувшись в кресле. Худощавый, светловолосый, с тонкими пальцами, сплетенными в замок на столе. Он не рассматривал Свету, он сканировал, и под его взглядом хотелось невольно выпрямиться, будто на медкомиссии в военкомате.

— Светлана? — голос Бориса прозвучал как приказ. — Садитесь. Давайте карту.

Объемная папка перекочевала на его стол. Борис пролистал заключения и, не сговариваясь, передал Марку. Они читали молча, синхронно, и в тишине кабинета Света слышала только собственное дыхание.

— Запущено, — наконец произнес Марк тихим, вкрадчивым голосом, лишенным лишних интонаций. — Аденомиоз на фоне тяжелого гиперэстрогенизма, множественные кистозные образования, инсулинорезистентность. Плюс начинающийся спаечный процесс. Желчный пузырь и печень тоже скоро сдадут, судя по анализам.

— Лечиться не пробовали? — Борис резко захлопнул папку. — Или в поликлиниках вам только справки выдавали?

— Пробовала. Назначали противовоспалительные, физио…

— Молоко с медом, — перебил Борис, и в его голосе просквозило презрение. — То, что у вас, Светлана, лечится только радикальным вмешательством. Гормональным. Жестким. И долгим.

— Борис, — Марк слегка наклонил голову в сторону коллеги. — Не нужно пугать пациента до потери пульса.

Он встал и подошел к Свете вплотную. Запах сандала и ментола ударил в нос. Марк взял ее за запястье, не спрашивая разрешения, — пальцы оказались ледяными, — посчитал пульс, затем скользнул к шее, проверяя лимфоузлы. Света замерла, чувствуя себя не человеком, а анатомической моделью под его прикосновениями.

— Мы работаем по протоколу, который разработали сами, — продолжил Марк, все так же держа руку на ее пульсирующей сонной артерии. — Лечение комплексное. Ежедневное. Без выходных. Курс — от трех до четырех месяцев. Процедуры инвазивные, связанные с глубокой стимуляцией тканей и принудительной коррекцией гормонального фона.

Света попыталась отстраниться, но пальцы Марка сжались крепче.

— Это значит, Света, — Борис поднялся из-за стола и оказался с другой стороны, отрезая путь к двери, — что мы будем работать непосредственно с очагами патологии. Вручную. Ежедневно. Пока ваше тело не вспомнит, как оно должно функционировать.

— Это больно?

— Да, — ответил Марк, отпуская ее руку. — Первые две недели будут пыткой. Вы будете кричать. Вы будете плакать. Вы будете умолять нас остановиться. Но если мы остановимся, через год вам удалят матку, а через три откажет эндокринная система полностью. Выбор за вами.

— Есть еще один момент, — добавил Борис, и в его голосе прорезалась жесткая, циничная нотка. — У нас нет медсестер. Мы работаем вдвоем. Все манипуляции проводим лично. Вы должны подчиняться беспрекословно. Никаких «больно», «не хочу», «стесняюсь». Вы перестаете быть женщиной в социальном смысле. Вы становитесь пациентом. Нашим пациентом.

Света перевела взгляд с одного на другого. Борис — воплощение грубой силы и давления, Марк — ледяной интеллект и контроль. Между ними не оставалось места для компромиссов. Утро, когда она не смогла встать с кровати из-за боли. Голос матери по телефону: «Ты уже не такая молодая». Лицо ушедшего жениха: «Я не сиделка». Все это всплыло перед глазами, и Света почувствовала, как где-то глубоко внутри обрывается последняя нить сомнения.

— Я согласна. Что я должна подписать?

Марк и Борис переглянулись. Ни радости, ни удовлетворения в их взглядах не появилось — только безэмоциональная фиксация факта.

— Ничего, — ответил Марк, возвращаясь к своему столу и открывая ноутбук. — Словесного согласия достаточно. Расписки и бумаги — это для тех, кто планирует потом судиться. Вы не будете судиться, Света. Вы будете выздоравливать.

— Раздевайтесь, — коротко бросил Борис, указывая на гинекологическое кресло в центре кабинета. Под яркими лампами оно выглядело не медицинским инструментом, а чем-то

средним между операционным столом и орудием пытки. — Первичный осмотр. Сейчас. Марк, фиксируй параметры.

Света медленно подошла к креслу. Сбросила туфли, стянула брюки, белье. Руки дрожали, но она заставляла себя двигаться. Холодный дерматин обжег ягодицы, когда она села. Борис грубо, но привычно раздвинул ей ноги, зафиксировав в стременах. Металлические держатели щелкнули, закрываясь.

Лампы ослепили. Полностью открытая, беззащитная, она лежала перед ними, а двое мужчин стояли рядом, надевая перчатки.

— Смотри, — сказал Борис Марку. — Отечность, цианоз, венозный застой. Типичная картина.

Белые перчатки Марка идеально обтянули его длинные пальцы. Он не смотрел на Свету. Он смотрел на то, что Борис уже начал осматривать, и Света закусила губу, чтобы не вскрикнуть от первого же прикосновения.

Глава 2

Первая неделя стерлась в памяти набором разрозненных, пульсирующих кадров. Света помнила, как ее привозили каждое утро. Помнила запах антисептика, смешанный с одеколоном Бориса. Помнила, как Марк, не повышая голоса, перечислял показатели с экрана монитора, пока Борис грубо раздвигал ее, фиксировал, входил.

Кресло стало центром ее вселенной. Металлические фиксаторы на запястьях и лодыжках — новая деталь, которую Борис добавил на третий день, когда Света в панике попыталась свести ноги во время особенно глубокого проникновения. Щелчок замков означал начало. Света выучила этот звук так же хорошо, как когда-то выучила звук собственного будильника — с той разницей, что будильник сулил новый день, а щелчок фиксаторов сулил боль.

В перерыве между сеансами, когда Света, обессиленная, лежала в кресле с закрытыми глазами, она услышала, как Борис вышел в коридор. Секретарша что-то спросила приглушенным голосом. Борис ответил коротко, и Света разобрала только одно слово: «протокол». Потом дверь закрылась, и Борис вернулся.

— Она не слышит? — спросила Света, кивнув в сторону коридора. Голос сорвался, превратился в хрип.

— Кабинет оборудован шумоизоляцией, — ответил Марк, не поднимая головы от планшета. — Снаружи ничего не слышно. А Нина знает, чем мы занимаемся. Она работает с нами десять лет.

— И ее не смущает?

— Нину смущает только одно, — Борис стянул перчатки, бросил их в утилизатор с характерным шлепком. — Когда пациенты не выполняют предписания. Ты выполняешь. Поэтому вопросов нет.

Света закрыла глаза. Шумоизоляция. Секретарша, которая знает и молчит. Все продумано до мелочей, как в их протоколе. Она была не первой и не последней. Но сейчас, в этот момент, она чувствовала себя единственной.

— Расслабь тазовое дно, — голос Бориса звучал над ухом, лишенный какого-либо сочувствия. — Чем сильнее сжимаешь, тем больнее будет.

Она пыталась. Зажмурившись, вцепившись пальцами в края кресла, она пыталась представить, что ее тело — не ее, что эти мышцы, судорожно сжимающиеся вокруг пальцев Бориса, принадлежат кому-то другому. Не получалось. Его пальцы — толстые, грубые, безжалостные — продавливали спайки, растягивали то, что годами сжималось от боли. Каждое движение отдавалось искрами перед глазами.

Марк стоял рядом, наблюдая. Он не трогал ее во время этих первых сеансов, только смотрел на монитор УЗИ, куда был выведен процесс, или делал пометки в планшете. Иногда его голос врезался в шум в ушах Светы:

— Угол смещения — два градуса влево. Глубже, Борис. Она еще не на пределе.

— Вижу, — сказал Борис, и его пальцы меняли траекторию, находя новые, нетронутые очаги напряжения.

Света кричала. Сначала она пыталась сдерживаться, зажимала рот, кусала губы до крови, но к концу третьего дня поняла, что это бесполезно. Борис не обращал внимания на крики, Марк и вовсе, казалось, их не слышал. Крики были частью процесса, таким же фоновым шумом, как жужжание аппарата УЗИ или щелканье клавиатуры.

— Хорошо, — сказал Марк в конце пятого дня, когда Света, мокрая от пота и слез, лежала в кресле с разведенными ногами, не в силах пошевелиться. — Спаечный процесс начал поддаваться. Кровоток улучшился на семнадцать процентов. Завтра переходим к следующему этапу.

Света повернула голову. Следующий этап. Эти слова звучали как приговор.

— Что… что будет завтра? — голос сорвался, превратился в хрип.

Борис стянул перчатки, бросил их в утилизатор.

— Сегодня мы работали только пальцами. Завтра добавим инструментарий. Марк подключится к процессу.

Она не поняла тогда, что это значит. Поняла на следующий день, когда ее снова зафиксировали в кресле, а Борис и Марк встали по обе стороны.

— Мы будем воздействовать на очаги синхронно, — объяснил Марк, надевая перчатки. Его голос, как всегда, был спокоен, но в нем появилась новая нотка — сосредоточенность хирурга перед сложной операцией. — С двух сторон. Это ускорит процесс в два раза. Но будет больнее.

— Больнее уже некуда, — выдохнула Света.

Борис усмехнулся — коротко, без веселья.

— Удивишься, Света. Есть куда.

Он вошел первым. Света зажмурилась, привычно пытаясь уйти внутрь себя, в то место, где боли не существует. Пальцы Бориса — она уже знала их на ощупь, их длину, толщину, шершавость подушечек — двинулись привычным маршрутом, продавливая, растягивая, находя узлы.

А потом она почувствовала второе прикосновение.

Пальцы Марка — тонкие, длинные, ледяные — скользнули ниже, туда, где никто и никогда ее не трогал. Она дернулась, дернулась так сильно, что фиксаторы на запястьях впились в кожу.

— Не двигайся, — голос Марка прозвучал над самым ухом. — Это необходимо. Попка — зона с высокой концентрацией рецепторов. Стимуляция этой зоны запускает каскад нейроэндокринных реакций, которые нам нужны.

— Нет, — выдохнула Света. — Пожалуйста, не надо…

— Подписывалась, — напомнил Борис, и его пальцы внутри нее сделали резкое, глубокое движение, от которого у Светы перехватило дыхание. — Сказано было — подчиняться. Мы делаем твое тело здоровым, Света. Не зажимайся.

Пальцы Марка надавили, и Света поняла, что сжимается именно там — инстинктивно, панически, всем телом.

— Расслабься, — приказал Марк. В его голосе не было жестокости, но не было и жалости. Была лишь констатация факта: сопротивление бесполезно. — Я не причиню вреда. Боль будет, но она необходима. Ткани атрофированы, мышцы зажаты. Их нужно разработать.

Он начал медленно, невероятно медленно проникать. Света чувствовала каждый миллиметр, каждое движение его пальцев — сухих сначала, потом смазанных чем-то холодным и скользким. Боль была другой, не такой, как от пальцев Бориса внутри влагалища. Острее, глубже, стыднее. Она закусила губу, чувствуя вкус крови.

— Смотри на меня, — внезапно приказал Борис, и она открыла глаза, встретив его тяжелый взгляд. — Запомни это чувство. Боль — это сигнал тела, что проблема есть. Когда боль уйдет, тело начнет восстанавливаться. Мы не враги тебе, Света. Мы твое лекарство.

Его пальцы внутри нее снова двинулись, и она застонала. Одновременно с этим Марк сделал очередное движение сзади, и Света почувствовала, как мир сужается до одной точки — до этого двойного, синхронного давления, пронизывающего ее насквозь.

Слезы текли по щекам, но она уже не пыталась их остановить. Она просто дышала — так, как учил Марк: глубоко, ритмично, пытаясь расслабить то, что сопротивлялось.

Часы в кабинете показывали десять утра. Сеанс продлится до двенадцати. Каждый день. Без выходных.

На десятый день что-то изменилось.

Света заметила это не сразу. Как всегда, ее зафиксировали в кресле. Борис вошел первым, и привычная вспышка боли заставила ее выгнуть спину. Марк, как всегда, встал сзади, его пальцы скользнули по ягодицам, нащупывая вход.

Но в этот раз боль пришла и… осталась.

Не ушла, как обычно, в глухое, ноющее терпение. Она осталась, но трансформировалась во что-то другое. Сначала Света подумала, что ей показалось. Потом пальцы Бориса сделали движение, и внутри нее, вместо привычного спазма, вспыхнуло жаром. Не болью — жаром. Тяжелым, низким, растекающимся откуда-то из глубины живота к бедрам, к позвоночнику.

— Видишь? — голос Марка прозвучал откуда-то издалека. — Началось.

Она не поняла, что он имел в виду, но через секунду его пальцы проникли в попку, и жар усилился. Пульсация — вот что это было. Глубокая, ритмичная пульсация, которая не имела ничего общего с болью. Света дернулась, но не потому, что было больно. Ей показалось, что внутри нее зажгли лампу — сначала тускло, потом ярче, жарче, невыносимее.

— Не останавливайся, — сказал Борис, и в его голосе прорезалось что-то новое. Удовлетворение? Нет, скорее интерес профессионала, дождавшегося результата. — Идет ответная реакция. Кровоток восстановился в тазовой области.

Пальцы Бориса двигались внутри нее — глубоко, ритмично, жестко. Пальцы Марка сзади двигались в том же ритме, и Света вдруг поняла, что не может отличить одно ощущение от другого. Они слились в единый поток — горячий, пульсирующий, захватывающий ее целиком.

Она застонала. В первый раз за десять дней это был не крик боли.

— Вот, — тихо сказал Марк, и его пальцы чуть изменили угол, надавили на какую-то точку, о существовании которой Света не подозревала. — Точка максимальной стимуляции. Сейчас пойдет каскад.

Света не знала, что значит «каскад». Она знала только, что тело перестало быть врагом. Оно взорвалось изнутри — жаром, напряжением, которое не было болью, а было чем-то настолько сильным, что у нее перехватило дыхание.

Она кончила впервые в их руках.

Это длилось несколько секунд, но Свете показалось — вечность. Мышцы, которые десять дней сжимались в судорогах, теперь пульсировали ритмично, глубоко, освобождая напряжение, которое копилось годами. Она слышала собственный крик, но не узнавала его — в нем не было боли.

Когда спазмы прекратились, она повисла в фиксаторах, обессиленная, мокрая от пота, с бешено колотящимся сердцем.

Борис медленно вывел пальцы. Марк сделал то же самое. Света чувствовала, как они смотрят на нее — на раскрасневшуюся, дрожащую, с открытыми глазами.

— Реакция в норме, — констатировал Марк, делая пометку в планшете. — Эндокринный ответ запущен. Завтра начинаем второй этап протокола.

Борис стянул перчатки и посмотрел на Свету сверху вниз.

— Поздравляю, — сказал он, и в его голосе впервые за десять дней не было жесткости. Только простая констатация факта. — Твое тело вспомнило, как быть живым.

Света закрыла глаза. Пульсация внутри еще не утихла, она отдавалась в кончиках пальцев, в губах, в каждом миллиметре кожи. Боль ушла. Впервые за полгода боли не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.